

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 48 (3549)

Суббота, 21 апреля 1956 г.

Цена 40 коп.

Ленинизм торжествует

Завтра — 86-я годовщина со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Охватывая мысленным взором великую и героическую жизнь Ильича, нельзя не заметить в ней самую важную и характерную черту — взгляд его всегда был устремлен в будущее, он видел грядущую великую победу трудящихся в их борьбе за коммунизм.

Еще не успел отзвучать гром октябрьских боев в Петрограде, еще шла кровавая борьба на окраинах России, а Ленин уже полон великих дум о преобразовании страны. В январе 1918 года в Петрограде собрался III Всероссийский съезд Советов. Обращаясь к делегатам съезда, Ильич взволнованно говорил: «И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления».

В этих словах В. И. Ленина выражена его неутомимая вера в творческие силы трудящихся масс. И величайшая заслуга ленинской партии состоит в том, что она воспитала трудящихся в духе ленинизма, подняла их к сознательному историческому творчеству, вдохновила на славы подвиги.

А подвиги эти были поистине беспримерны. В короткие сроки советские люди справились с разрухой, восстановили хозяйство страны и быстро двинули его вперед. Пятилетки преобразили лицо нашей и остальной России, вывинули ее в ряды экономически наиболее передовых держав, заложили основы победы советского народа в Великой Отечественной войне. И когда над страной гремели залпы победных салютов, когда слава наша армия завершила разгром врага, ленинская партия сконцентрировала свои усилия на том, чтобы быстрее ликвидировать последствия войны, переключить все силы народные на мирный созидательный труд.

Навсегда останется в памяти нашего поколения первая послевоенная пятилетка. Немноверно трудно было за такой короткий срок возродить все то, что было разрушено, сожжено, уничтожено на нашей земле. Но советский народ еще раз доказал всему миру свою силу, свою сплоченность вокруг ленинской партии и свершил то, что казалось невозможным.

Однако, сколь ни величественны были задания первых двух послевоенных пятилеток, они отступают перед грандиозностью планов, принятых XX съездом партии на новое, шестое пятилетие. Но мы знаем, что эти планы будут выполнены!

Мы уже привыкли к большим цифрам, к грандиозным масштабам, а следовало бы чаще вспоминать, с чего нам пришлось начинать: ведь всякий успех познается в сравнении.

В 1921 году Владимир Ильич с болью в сердце писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятные пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальная, полуграбительная и самая настоящая дикость». И как хотелось бы нам всем, чтобы Ильич сам увидел, что произошло в стране, как изменилась ее карта! Там, где раньше была глушь, волею партии, силой народа возникли заводы и фабрики, колхозы и совхозы, поля. Недалеко от Вологды, в Череповце, недавно пущен мощный металлургический завод, к югу от Оренбурга (теперь Чкалова) эксплуатируются новые нефтяные районы. К югу от Омска введен в действие и все более расширяется Карагандинский угольный бассейн. Строятся сотни других промышленных предприятий. Уже миллионы гектаров целинных и залежных земель дают стране хлеб.

Победа социализма в СССР, великие политические и экономические преобразования в нашей стране были бы невозможны без культурной революции, без подъема культурного уровня всего народа. Для нас сейчас стало обычным наблюдать, когда колхозники-опытники обогащают науку, когда рабочий-новатор является членом ученого совета института, когда на ряде предприятий большинство рабочих имеет среднее образование. А ведь в недалеком прошлом нам не хватало обыкновенной грамотности!

Теперь мы стали страной высокой социалистической культуры и высококачественной техники. СССР располагает сейчас многочисленными инженерно-техническими кадрами, и в подготовке этих кадров мы стоим на первом месте в мире.

Что давало нашему народу силу в его великой борьбе? Сила эта — закаленная в боях ленинская партия коммунистов, животворные ленинские идеи, которые партия превратила в жизнь, на которых учила и воспитывала поколения.

Ленин не искал для созданной им партии путей, чтобы «протоптанней и легче», он закалял ее в горниле борьбы, в огне революционных бурь. Он вооружил ее глубоким пониманием законов общественного развития, развил марксизм

теорию диктатуры пролетариата, создал стратегию и тактику пролетарской борьбы, выработал для партии новую, законченную теорию социалистической революции, теорию строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

Придавая огромное значение революционной теории, Ленин вместе с тем беспощадно боролся с теми, кто пытался превратить марксизм в «атехизис», в собрание безжизненных догм. И Коммунистическая партия Советского Союза на своем XX съезде показала пример ленинского подхода к разработке теории. В новых исторических условиях, когда социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему, она поновому решила некоторые принципиальные вопросы внутреннего и международного положения нашей страны.

Ленин учил партию непрерывно укреплять связь с массами, учиться у масс, чутко прислушиваться к их запросам, их чаяниям. Как никто другой, Владимир Ильич умел выслушивать простого человека, рабочего или крестьянина. Через его кабинет в Кремле прошли тысячи людей. Он впитывал в себя все то, чем жила, над чем думала рабочая и крестьянская масса. И все это переплавлялось у Ильича в глубокие выводы, в четкие политические лозунги.

Владимир Ильич не раз предупреждал партию и народ против зазнайства и облыбления успехами. Он нетерпимо относился к славословию и восхвалению кого бы то ни было. Ленин, создавший и выстроивший великую партию большевиков, сам никогда не подчеркивал своих заслуг перед партией и строго предупреждал тех, кто хоть как-то пытался похвалить эти заслуги. «Не могу представить себе другого человека, — писал Горький о Ленине, — который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от обаяния честолюбия и не утратил бы живого интереса к „простым людям“».

Наша партия осталась верна ленинским заветам. На XX съезде она решительно выступила против культа личности, за строгое соблюдение ленинских принципов и норм партийной жизни, за укрепление коллективности руководства, за развитие внутрипартийной демократии, активности и самостоятельности масс. И мы видим, как оживилась после съезда вся наша жизнь. Партия и народ с огромным единодушием одобрили решения съезда, демонстрируя единство и сплоченность вокруг Ленинского Центрального Комитета, единство, которое так высоко ценил Ильич.

В решении тех задач, которые партия ставит сейчас перед трудящимися, в воспитании советского народа огромная роль принадлежит нашей литературе. Писатели должны помочь партии в ее борьбе против «отживающих идей и представлений старого мира, за распространение и утверждение коммунистической идеологии». На XX съезде КПСС говорилось о том, что творческая деятельность в области литературы и искусства должна быть проникнута духом борьбы за коммунизм. А бороться за коммунизм для писателя — это значит изучать жизнь во всей ее сложности, во всем ее многообразии и на основе этого изучения создавать произведения, ярко и выразительно отражающие великие деяния великого народа, рукой мастера-художника лепить типические образы советских людей, образы большого общественного звучания. Этого требует от писателей партия, этого ждет от писателей народ.

Будто к нашим писателям обращается сейчас Ленин, когда он говорит о том, что пролетарская литература должна служить десяткам миллионов трудящихся, что литература должна оплодотворять «последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата...».

Литература должна занять свое почетное место на переднем крае борьбы за коммунизм. Поэтому так горячо и взволнованно звучит Первомайский Призыв Центрального Комитета Коммунистической партии: — Работники литературы и искусства! Боритесь за высокую идейность литературы и искусства, неустанно совершенствуйте свое художественное мастерство! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

Нет ни одной области человеческой деятельности, где бы ленинизм не одержал побед. Его великий триумф очевиден как внутри нашей страны, так и на международной арене. Ленин живет в сердцах тружеников всего мира, в делах народов великого Китая, в огромной созидательной работе трудящихся стран народной демократии, в национально-освободительной борьбе народов стран Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Грядущие годы принесут новые великие победы жизнеутверждающему ленинскому учению.

Ленинизм бессмертен!
Дело Ленина будет жить вечно!

Величие

До Симбирска не близко: через Касимов, Саранск, через Оку и Суру к самой середине Волги... Низенький палисадник, но и сюда не раз нас переносили мысли о нем, воспоминанья, толки.

Ленин ел тот же хлеб, что ели и мы; тем же горем горел, что и вся громада народа. В гости звал он в свой мир все глаза, все сердца, все умы, и в раскрытые двери к нему входила природа.

И страна ему отвечала жарким биением сердца на каждое его слово, на каждый его призыв. Так — с вершиной народа нежною и суровой связью взыались воли народной низы.

И когда он обращался к тебе со словом «товарищ», то в обращении этом было столько равенства и простоты, столько доверия, человечности, света, словно вся земля с тобой говорила на ты!

И ты становился ближе энергии солнц и молний, прорезывающих ночи земную древнюю тьму, и ты становился мира величия преисполнен и сроден добру и свету, а — значит, равен ему!

Рисунок художника Н. Жукова

СИМВОЛОМ ЛЕНИНА

Шел декабрь 1921 года... Мы, свердловцы, сидели в одной из аудиторий в Москве, изучали исторический материализм. В аудитории — холодно. Не согрелили ни короткие зеленые штаны, ни шапки, ни солдатские ботинки с обмотками. Но мы дули на непослушные пальцы, чтобы было легче листать страницы книг.

В аудиторию вошла руководительница семинара, принесла приглашительные билеты на заседание IX Всероссийского съезда Советов. Билетов было мало — один на тридцать человек.

Решаем: тянуть жребий. Свертываем в трубочку тридцать клочков бумаги, но лишь на одном пишем — «билет». Ссылаем эти бумажки в шапку. Волнуемся... Вот один вытащил пустую бумажку, второй, третий, но заветный клочок никому не попадает.

Настает моя очередь. Опускаю руку, шарю в шапке, медленно достаю трубочку и разворачиваю... Билет!

Сердце запрыгало от радости. Холода как не бывало. Руки дрожат. Горло перехватило от волнения. Меня окружают. Мне что-то говорят, нацелуются, требуют записать ленинскую речь до последнего слова. Иные шутят, хотят отобрать билет. — Мол, в семнадцать лет (а тогда мне было только семнадцать!) молодец еще слушать и видеть такое. Но я уже завладел билетом...

Москва была завалена снегом — дома, улицы, деревья. Хлеба не хватало. Голода почти вся страна.

Голод и разруха были в то время не менее злыми врагами, чем Колчак и Деникин. Темные силы старого мира, разбитые революцией в открытом бою, объявили блокаду и решили заморить Советов голодом. Они сжигали хлеб, но не хотели продавать его Советской России. Они со злобной яростью встретили новую экономическую политику, радуясь: большевики повернули вспять. Советы закладываются в собственной петле! Ни фунта хлеба, ни доллара им!

В такое время собрался IX Всероссийский съезд Советов. Что он скажет народу, которому нечего есть? Что на съезде скажет Ленин?

Ленин... Сколько радости светится в глазах людей при одном упоминании этого имени! Сколько людских сердец пламенеет и наливаются силой и решимостью отдать всего себя пеликом за великое дело, которому посвятил, которому всю свою жизнь служил Ленин, — за дело освобождения человечества от векового рабства!

...Большой театр. Он весь горит красными полотнищами лозунгов, — заполнен тысячами людей в кожанках, шинелях, полушубках. Как гигантский улей, гудит он, переполненный посланцами от всей земли советской — суровыми и мужественными, как само время.

Я смотрел на этих людей, солдат революции, вершителей судеб страны, на их опаленные огнем фронтов темные лица, и мне было так обидно, что я не был там, где недавно были они, и что мне еще не было и шестнадцати, когда они добивали

за Кубанью Деникина и топили в Черном море Врангеля.

— Счастливый ты человек! Смотри и заповидай на всю жизнь. Вот Ленин, — сказал мне кто-то из соседей.

На сцене был Ленин. Он пришел прямо в пальто и шапке, тут же снял их и быстрыми шагами направился к трибуне.

Что тут подползло! Казалось, в театр ворвались тысячи громов. Долго гремела неустоявая буря рукоплесканий и возгласов.

А Ленин то застенчиво подымал руку, прося тишины, то, волнуясь, подходил к трибуне, то укоризненно смотрел на председателя съезда и показывал на часы, то вновь подымал руку. Наконец все стихло, но люди еще стояли, люди еще смотрели и смотрели на Ленина и не могли насмотреться.

Но Ленин уже начал свой доклад.

Это был первый отчет правительства перед народом в новой, мирной обстановке. Советская страна, сотрясающаяся от грома орудий и пылавшая в огне жестоких страданий, получила, наконец, передышку. Импералистические хищники, сломав зубы о стойкость и беззаветное мужество советского народа, притихли. Они еще были достаточно сильны, чтобы сделать советской власти новую пакость, но они уже не могли больше делать это без риска за свои «тылы» — пролетариат всех стран настойчиво требовал: «Руки прочь от Советской России!».

Невероятно трудно было начинать это великое дело — строительство социализма. Ведь стране предстояло подняться из хаоса и разрухи, доставшихся ей в итоге двух войн, становиться на ноги собственными силами и на собственных средства.

Ленин знал и ясно видел: величайшие трудности встретятся на этом неиспытанном пути советским людям, много сил и энергии потребуется, чтобы восстановить разрушенное хозяйство, двинуть его вперед.

Ленин учил партию, народ управлять заводами и государством, давал наказ учить массы и учиться у масс и, как великую оаку, оберегать завоевания революции.

И партия училась и учила народ. Она послала металлургов управлять заводами, шахтеров — рудниками, бывших солдат — постигать финансовую науку, молодежь — получать в школах и вузах знания, помогала крестьянам создавать товарищества по обработке земли и снабжала их машинами. Вся страна, весь народ учился, работая и работая, учася.

И все более мужала новая Россия, вставала гранитным утесом над миром хаоса и беспорядка. И к ней, как к маяку, устремились со всего света миллионы горячих человеческих глаз, глаз друзей, радуясь ее успехам, удивляясь ее подвигам, потрясающим мир.

То было начало нового, великого пути миллионов людей, пути, которому не было примера в прошлом.

Мать-история пожимала плечами. Она знала все революции всех времен и народов, видела зодчих и строителей целиннейших эпох, но она не могла научить советских людей, как лучше идти по избранному ими пути. И тогда история сама, засучив рукава, пошла по земле советской переучивать у советских людей. И новые страницы летописей стали запомнятся строками, похожими на чудесные сказания...

У горы Магнитной рождался новый металлургический гигант. В Донбассе строились новые мощные шахты. На Днестре сооружалась крупнейшая в Европе ГЭС. И советские люди, ведомые ленинской партией, построили все это.

Потом развернулись в богатейшую мощь Кузбасс, Уралам, тракторные и сельскохозяйственные, автомобильные и турбо-строительные, авиационные и химические заводы, комбинаты, фабрики.

Великая революция произошла и в деревне. На смену раздробленному мелкоземельному, единоличному хозяйству встал и поднялся во весь рост новый колхозный строй и вывел из жизни последние остатки эксплуататорского класса — кулачество.

Я вспоминаю 1921 год, Большой театр, Ленина на трибуне... Как далеко видел этот человек, Ленин! Ведь еще в годы смертельной борьбы с врагами он уже думал о канале между Доном и Волгой и видел пленицу, возвращенную на бывших судопроходных землях Запояны, и еще тогда обращал внимание на несметные природные богатства Сибири.

Еще в годы восстановления народного хозяйства он, Ленин, видел тракторы на наших полях и мечтал посадить крестьянина на эти тракторы — пусть, мол, убедится самостоятельно, как лучше вести хозяйство. Видел он и мощные электростанции, и механизированные заводы и шахты, новые города и села — все, все, что сейчас воздвигнуто мозаичными руками советского человека, воздвигнуто на собственных средствах, из собственных материалов и своим огнем сердца.

...В расцвете сил и кипучей деятельности ушел от нас этот великий человек. Друзья разделяли наше горе, враги предвещали нам беды. Но мы попрежнему видим Ленина всюду на необъятной земле нашей, видим в делах наших, в делах, осененных его бессмертным знаменем, вдохновенных партий, прошедшей с ним путь от подпольных кружков до руководства великой Советской державой.

Трудно нам было начинать тогда, в голод и холод 1921 года. Мы были одни, мы были окружены со всех сторон ненавидевшими нас хищниками. Теперь рядом с нами идут и день ото дня все больше процветают великий братский Китай, братские Польша, Болгария, Чехословакия, Венгрия, Албания, Румыния, Монголия, Бурейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика

Вьетнам. Их цель — социализм. Их знамя — Ленин.

И теперь уже нет на свете людей, которые делали бы вид, что советской страны не существует. Теперь всякий здравомыслящий человек знает: коль советские люди научились что — значит, так оно и будет. Все простые люди мира с восхищением следят за новыми нашими планами, восторгаются размахом нашего строительства.

И вот советские люди устами партии объявили о новых грандиозных замыслах своих в шестой пятилетке. И все знают: еще через пять лет Советский Союз сделает новый гигантский скачок вперед; еще раз поразит мир своими успехами в хозяйственном и культурном строительстве.

Я слышал, как Ленин подчитывал на трибуне IX Всероссийского съезда Советов вероятный сбор хлеба и говорил, что правительству рабочих и крестьян необходимо иметь 230 миллионов пудов, чтобы накормить страну и посеять новь.

К концу шестой пятилетки советские земледельцы будут собирать с полей 11 миллиардов пудов хлеба.

Ленин докладывал делегатам съезда, что в 1921 году Донбасс выдал 350 миллионов пудов угля, и говорил об этом, как о шаге вперед.

В конце шестой пятилетки советские горняки добудут 593 миллиона тонн угля.

По инициативе Ленина в 1920 году был принят план ГОЭЛРО, которым предусматривалось в течение 10—15 лет ввести в действие энергемощности порядка около двух миллионов киловатт.

Только одна Братская электростанция на Ангаре, строящаяся сейчас, будет иметь мощность в 3 миллиона 200 тысяч киловатт.

Ленин с трибуны съезда призывал учиться управлять народным хозяйством, создавать свою интеллигенцию.

Сейчас за границей завидуют огромному количеству инженеров и техников, которые ежегодно выпускаются у нас из вузов и техникумов на производство.

Над загадкой сокровенных тайн энергии атома думало все человечество. Советские люди первыми построили атомную электростанцию и намерены строить новые, общей мощностью до 2,5 миллиона киловатт.

Третий века прошло с тех пор, как мы сделали первые шаги в строительстве социализма. А что такое треть века, если история всех эпох, в том числе и история капиталистического общества, создавалась веками!

История социалистического общества создана пятилетками. И это — лучшее доказательство силы и разума человека, освобожденного от рабства силой и мудростью ленинской партии.

...Великие люди живут годы, но оставляют память о себе в веках, и благодарные потомки чтут память их тысячелетиями.

Имя Ленина переживает века и останется в памяти народов бессмертным. Ибо Ленин — это жизнь трудового человечества, а жизнь — бесконечна.

В Институте философии Академии наук СССР

В Москве состоялась расширенное заседание ученого совета Института философии Академии наук СССР, посвященное 86-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Во вступительном слове директор института член-корреспондент Академии наук СССР П. Федосеев говорил о задачах, стоящих перед учеными в деле дальнейшего развития марксизма-ленинизма.

С докладом «В. И. Ленин о роли народных масс и личности в истории» выступил член-корреспондент Академии наук СССР М. Каммари. Доктор философских наук Ц. Степанянц сделал доклад «В. И. Ленин об общих закономерностях и конкретных формах перехода к социализму в различных странах». Доклад «В. И. Ленин о диалектике как философской науке» прочитал профессор Е. Ситковский.

ГОЛОВИНА со дня рождения Владимира Ильича Ленина в этом году озарена особым светом — светом XX съезда Коммунистической партии, его замечательных, поистине исторических решений. И народ наш отмечает в этом году светлые ленинские дни не только воспоминаниями о своем великом и любимом вожде, но и тем, что вдумчиво изучает решения съезда, деятельно стремится воплотить их в жизнь.

НАПИСАТЬ БЫ ТАКУЮ КНИГУ!..

Ольга БЕРГГОЛЫ

рядом игнорировалось ленинское указание, что «...литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством»; что «...в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». Правда, этими ленинскими указаниями «божались» довольно часто, но еще чаще на практике грубо пренебрегали ими.

Но дело сейчас не в том, чтобы непрерывно ссылаться на прошлую объективную обстановку, а в том, чтобы, сурово и спокойно разобравшись в прошлых заблуждениях своих, жить так, как учил Ленин: не дать себе власть «...ни в иллюзии, ни в унынии, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче». А у советской литературы — действительно, самой передовой литературы мира — огромный положительный опыт. В ее боевом арсенале достаточно количество подлинно партийных, правдивых и высокохудожественных произведений, и поэтому произведения фальшивые, «кудловые» и просто серые не в состоянии исказить благородного облика нашей литературы, поставить под сомнение ее искреннюю преданность делу партии, делу народа (в особых доказательствах все это не нуждается).

Но сейчас, когда вместе со всем народом наша литература вступает в новый этап своего развития, она должна добиться таких творческих побед, чтоб весь мир изумился и обрадовался им и с жадностью и наслаждением стал обогащаться ими.

Такие возможности и силы у советской литературы есть, несмотря на те какие прошлые издержки и до сих пор цепкие традиции.

И хочу затронуть два-три вопроса в связи с этим.

Вот на XX съезде Н. С. Хрушев, говоря о малом количестве хороших книг и вскрывая причины этого, сказал: «...не ослабла ли связь с жизнью некоторых наших писателей и работников искусства?»

Бесспорно, что у некоторых писателей связь с народной жизнью крайне слаба, да и всем нам необходимо изучать ее конкретно, практически, повседневнo — на новостройках, в колхозах, на предприятиях.

Главная наша задача состоит в том, чтобы о той обычной жизни трудящихся, которую ты, писатель, изучил, писать настоящую, а не парадную, «выборочную» правду, чтобы писать правду о том, что ты сам пережил и переживала вместе с народом. А вот этого-то мы сплошь и рядом и не делаем! Оттого-то и отставала наша литература.

Это, конечно же, поправимо. Я убеждена, что у большинства наших писателей — огромное знание советской жизни, полученное не просто путем «наблюдения» или командировочного «изучения», а знание, полученное путем того, что писатель сам, совместно с народом, испытал, пережил и переучивался.

XX съезд партии, его решения, его материалы широко открывают перед нашей литературой, кино, живописью, театром именно тот простор мысли и фантазии, простор индивидуальным склонностям, которые и заветаны искусству Лениным. Правда, большая, партийная, ленинская

правда, и только она, а не приближенная, вышесказанная правда, высокая и дивная дуальное мастерство — вот единственный закон для работы наших литераторов, единственный принцип оценки художественного произведения. Этот закон, этот принцип оценки не совместим ни с конъюнктурными соображениями, ни с перестраховкой, ни с нигилистическим фрондерством, маскирующимся под «смелость», ни с остатками антимарксистского культа личности во всех его проявлениях.

Восстановление и укрепление ленинских норм партийной и общественной жизни неразрывно связаны с борьбой партии против антиленинского культа личности как культа, умалявшего роль народных масс и роль партии в строительстве коммунизма. А это значит еще и то, что при культе личности умалялась, принажила личность рядового коммуниста, личность рядового советского труженика, скрывалась его трудовая, творческая инициатива, подрывалась доверие этой личности к самой себе, в своих силах. Вот во всем этом и коренятся истоки того, что мы (мягко, разумеется) именуем «обеднением» образов рядовых советских людей. Нередко иные литераторы в ущерб правде — исторической, жизненной и художественной — возмечивали отдельные исторические личности вплоть до прямого обеднения их, а мужественные, мыслящие, вышедшие огромные духовные и материальные трудности и ни перед чем не согнувшиеся рядовые люди изображали уж какими-то «маленькими человечками», уж какими-то «самыми простыми», что выглядели наши люди похожими на одноклеточное существо...

Стоит ли после этого удивляться, что советский читатель и зритель не узнавали себя в этих «образах»?

«И — увы! — чаще всего не узнавали себя в романе, пьесе или кинокартине коммунисты, в первую очередь партийные работники. Зловещий отблеск культа личности падал и на их изображение. Скажем, первый секретарь обкома изображался на стоящих чудотворцем областного масштаба, по мановению руки которого решались все конфликты (вплоть до семейных и любовных), мгновенно преодолевались все трудности, а «простым, совсем простым», почему-то недогадливым и в общем нерадивым коммунистам оставалось только чествовать в затлке и поражаться универсальной мудрости данного руководителя. Если такой персонаж и обладал какими-нибудь человеческими качествами, то только, например, пристрастием к рыбной ловле или сбору грибов, — разумеется, в несудебное время. И изображались эти секретари на одно лицо, по образу и подобию, и было это изображение в сущности своей не просто фальшивым, но прямо оскорбительным и для партийных руководителей и для рядовых коммунистов, а не вводил обязательной фигуры секретаря (обкома, горкома, райкома и т. д.) или сцен заседания (в обкоме, райкоме, парткоме), его прямо пытались обвинить в том, что он-де «не отобразил роли партии».

Схема, догма, культ личности порождали в нашем искусстве эти вредные для искусства и народа тенденции. От этого «наследия» нам нужно категорически освободиться для того, чтобы создать действительно правдивые во всей их духовной красоте, сложности, многообразии характерные образы коммунистов, рядовых партийцев и их вожаков, прошедших такой небывалый в истории, трудный и великопленный путь. Изобразить, не минуя ни одного года их славного пути, да, ни одного года. «Выборочная» история — ведь это не история.

Ленин писал, предвидя расцвет литературы, открыто связанной с делом пролетариата: «Это будет свободная литература, плодотворная последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата...»

Написать книгу, полную живого опыта народа, книгу, которая бы плодотворила «последнее слово революционной мысли», то есть подкачала бы что-то партии, помогла бы ей, а не просто проиллюстрировала одно из ее решений, и чтоб шла эта помощь от самого художественного звучания книги, от самой поэзии, — написать бы такую книгу!

Мы напишем такие книги. Залог тому — решения XX съезда по идеологической работе. В этих решениях — целая программа деятельности для советских писателей, программа с тем ленинским простором, которым легко дышать, который увеличивает силу и желание трудиться на благо родного народа.

Поездка в Ульяновск

НА УЛИЦУ Ленина, обычно очень тихую, со всех сторон нахлынули потоки звуков.

Сверху несутся гортанные крики галок, — они устроятся на ветках тополя, хлопают крыльями, перелетают с места на место.

Внизу шумит бурная вода. Мощной лавиной несет ее на всю ширину мостовой, подмывая последние островки слежавшегося снега.

Высокие тополя стоят перед деревянным домиком. Он ничем не отличается от соседней — такой же простой маленький дом.

Только небольшой кусок мрамора у входа.

Только сжимается сердце, когда входишь в этот дом.

И так же, как исчезают вдруг все звуки внешнего мира, так спадает с души шелуха забот, растворяются мелкие мысли и остается наедине с этой глубокой тишиной.

Это не музей, здесь ничто не ограждает вени от посетителя. Это просто дом Ульяновых, и все в нем так же, как было семидесят лет назад, когда улица еще называлась Московской, а не улицей Ленина, и город Симбирском, а не Ульяновском.

Здесь прошла юность Ленина. Здесь, в маленькой комнатке на антресолях, произошло событие — такое непримечательное на первый взгляд: однажды Володя Ульянов взял в руки книгу, привезенную старшим братом из Петербурга. На ее титульном листе было напечатано: «Книжка. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Перевод с немецкого. Том первый».

Вот книга положена на маленький стол в володичьей комнате, вот переворачивает он первую страницу и начинает читать.

Горит свеча в медном подсвечнике, снизу доносится голос матери и смех расшалившихся сестер.

На стене в комнате Володи Ульянова карта полушарий, а внизу, в столовой, карты Европы и Азии.

Посмотрим на эти карты. — Какие странные слова: Российская империя, Германская империя, Австро-Венгрия, Китайская империя... Нет на карте ни Чехословакии, ни Югославии, Польша и Финляндия — части Российской империи. Ленинград называется Петербургом, Украина — Малороссией...

Капитализм уверенно хозяйничает на всем земном шаре. Народы колоний — в беспросветном, безнадежном рабстве. В русской деревне — нищета, темнота, грязь...

...Прочтете же перевернутая страница книги. Дрогнуло пламя свечи. В открытое окно льется летняя волжская ночь. Затих дом, затих город. В соседней комнате унучат Саша, Владимир Ульянов впервые читает труд Маркса...

Как много говорит в этом доме каждая мелочь о жизни Ульяновых! Никакие книги, никакие фотографии не могут заменить посещение этого дома. Здесь нужно самому побывать, не спеша ходить по комнатам, рассмотреть каждую мелочь, постоять, подумав. Здесь узнаете одного за другим этих чудесных людей — Илью Николаевича и Марию Александровну, сестер и братьев Володи, чувствуете атмосферу этого дома, этой изумительной семьи.

Какое широкое образование получали дети в этом доме, как воспитывали у них с раннего детства понятия о правде и справедливости, как прививалась им любовь к народу. Какая душевная тонкость, какая доброта, какое внимание и любовь друг к другу!

Как весело было тут! Маленький Володя был шумным мальчуганом с веселыми, бойкими глазами. Он ломал игрушки, загонял под диван сестру, лезал на деревья, бегал на коньках, катался снежками, расхищался, проказничал, ходил ко-

лесом, кричал плаксивого маленького Митю, который не мог без рева допеть песенку о козлик из жалости к его печальной судьбе. Одного только не делал маленький Володя никогда: не лгал. Никто не лгал в этой семье ни по какому поводу.

Огромное влияние оказал на Володю старший брат Саша. Володя безгранично любил его и старался во всем ему подражать. В раннем детстве на всякий вопрос он отвечал: «как Саша». — Ты хочешь гулять? — Как Саша. — Положить тебе масла? — Как Саша.

Саша был замечательным человеком, умным, талантливым, бесконечно трудолюбивым. Так же, как Владимир, он окончил гимназию с золотой медалью. Поступив в Петербургский университет, Саша приезжал домой на каникулы, и каждый его приход становился новым этапом в жизни брата.

Однако Саша не все рассказывал Владимиру. И сообщение из Петербурга об аресте Александра и сестры Анны, которая тоже училась в столице, было для семьи Ульяновых, как удар грома в ясный день.

В марте 1887 года, когда случилось это, отца уже не было в живых. Мария Александровна помчалась в Петербург спасать, хлопотать... Она еще не поняла всей непоправимости того, что произошло.

Горное и мужественное поведение Александра Ульянова, участника покушения на царя, его замечательная речь на суде — одна из самых прекрасных страниц истории революционного движения.

После того, как был вынесен смертный приговор, Александр Ульянов отказался подовать царю прошение о помиловании. Это, по его понятиям, было нечестно, лицемерно.

— Я не могу этого сделать, мама, — сказал он на последнем свидании, — это было бы неискренним.

Александр Ульянов был казнен в ночь на 8 мая 1887 года во дворе Шлиссельбургской крепости. Здесь, в домике Ульяновых, все напоминает об этом ужасном горе: и комната Саша, которую оставили нетронутой, и его книги, альбомы и брошюры, служившие для занятий химией, и вышитая его детскими руками дощечка для хлеба в комнате матери, и портрет, снятый в тюрьме, перед казнью.

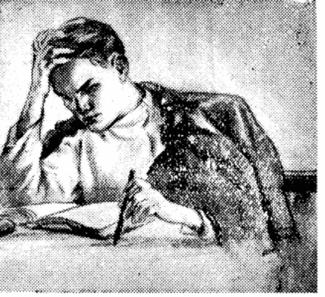
Этот портрет был вручен Марии Александровне вместе с казенной сопроводительной бумагой, в которой сообщалось, что настоящий портрет надежды вручить вдове действительного статского советника М. А. Ульяновой, коей надлежит также объявить, что оставшиеся после сына ее Александра часы и плед проданы для покрытия судебных издержек по его делу.

Портрет Александра и портрет висят в доме Ульяновых рядом с изображением Володи Ульянова. Сколько смысла в этом соседстве! Вдохновенное, порхающее по вышитости лица молодого Ленина, познающего жизнь со всей ее горечью, во всей ее сложности, и рядом героический облик его любимого брата — лицо незабываемой красоты и мужества! Трудно отойти от этих портретов.

И то, что Владимир Ульянов отверг террор как метод борьбы, ни в какой мере не снижает влияния, которое оказал на него Александр и его героическая смерть.

Здесь, в домике Ульяновых, становится особенно понятными корни органического демократизма Ленина, его неприязнь ко всему показному, фальшивому.

Простота Ильича, его презрение ко всякой нескромности сложилось не только как вывод из его взглядов на жизнь, — они были ему привиты с самого раннего детства.

ства всем укладом семьи, примером жизни отца и матери, их демократическими идеями, их умом, широтой их воззрений.

СОТНИ тысяч людей прошли через этот дом. Одна за другой заполняют записки книги, которые кладут на стол в проходной комнате. Много уже набралось таких томов. По этим запискам, по наблюдениям за людьми, которые здесь бываю, по беседам с ними можно почувствовать не только громадную, всенародную любовь к Ильичу, но и потребность людей прийти сюда, побыть тут, в доме Ленина, чтобы проверить жизнью Ленина свою собственную жизнь.

Есть в этом доме какой-то удивительный секрет, какая-то волшебная сила, заново раскрывающая человеку то, что он, кажется, всегда знал. Прямая, физическая встреча с предметами, которые окружали Ленина, со свидетелями его жизни, даже, кажется, воздух этого дома заставляет с новой силой вспыхнуть ярким огнем идеалы, которые давно были восприняты, усвоены и лежали в глубине души, как нечто само собой разумеющееся.

Ужко видеть этих людей, посетителей дома Ульяновых, их трепетную осторожность, жадность, с которой впитывается каждое слово о Ленине, движении, которым кто-то украдкой притронулся в спичке кровати Владимира Ильича, слезы на глазах старого большевика...

В УЛЬЯНОВСКЕ, возле Карамзинского сада, стоит школа, в которой учился Ленин.

В бывшей симбирской гимназии, ныне образованной школе имени Ленина, внешне не произошло почти никаких перемен — те же железные лестницы, по которым бежал Володя Ульянов, те же коридоры, те же классы, те же солнышки, бьющее в окна.

Седьмой класс превращен в класс-музей. Здесь попеременно стоят тринадцать парт, и на крайней у окна табличка: здесь, за этой партией, сидел В. И. Ленин. Она стоит вплотную к большому окну, из которого была видна Волга. Теперь река закрыта деревьями и домами.

Вот актовый зал — тот самый, в котором Владимир Ильич так блестяще сдавал выпускные экзамены.

Незадолго до этих экзаменов пришло из Петербурга резкое внушение администрации гимназии за то, что они воспитывали такого опасного государственного преступника, как казенный Александр Ульянов, да еще выпустив его с золотой медалью.

Естественно, что этот выговор не мог не повлиять на настроения экзаменаторов, и уж, конечно, им меньше всего хотелось награждать медалью второго Ульянова.

Однако Ленин так дал экзамены, что ему просто невозможно было не дать золотую медаль. И он получил ее из рук директора гимназии Федора Михайловича Керенского.

Какое странное сплетение имен! Это был отец того самого Керенского — главы так называемого Временного правительства. Скажут бы тогда старику, что его сын через тридцать лет, переодетшись в женское платье, будет убогать от возглавляемых этим гимназистом восставших народных масс!

И попросил разрешения присутствовать на уроке истории и отправился в один из восьмых классов. И здесь, глядя на маленьких земляков Ильича, невольно искал в детских лицах разгадки будущих судеб. Невольно возникло сравнение — вот так же точно, такой же веселый, живой мальчик сидел за партией, пробегал по этим лестницам и коридорам.

Сбиваются прекрасные мечты Ленина — вырастут новые поколения и пройдут новой, чудесной жизнью, которая будет называться — коммунизм.

Алексей КАПЛЕР

ульяновск

Сулейман РУСТАМ

Любовь народов

Вновь вдохновенно песню окрыляет,
В нее вложил я мощь душевных сил:
Нас ленинская правда осеняет,
О Ленине мой стих заговорил!
Нам счастья дань приносит мир и труд:
Есть счастливей люди замиру!
Великий Ленин нам избрал помоща
Дорогу к счастью — краше всех дорог!
Как солнце, мысли Ленина цветут,
Жизнь видел он как непрестанный труд,
Он понимал людей, ценил, любил,
Он в сердце революцию носил,
Он раздвигал нероды труд и бремя,
Он звал к коммунистическому времени,
Он стягивал нам желал и торжество,
На своих дружба — Ленина слова,
Вождь Ленин, ты навеки близок нам,
Жизнь улыбаешься твоим делам,
Ты вместе с нами, ты в семье большой души,
Что в коммунизм стремится вся душа!

Перевел с азербайджанского Владимир ЛУГОВСКОЙ

Здесь хранятся ленинские рукописи

В МОСКВЕ, в Институте марксизма-ленинизма, хранятся тридцать тысяч документов Владимира Ильича Ленина. Здесь собраны не только рукописи его книг и статей. В сейфах хранилищ можно увидеть листки из блокнота, на которых стремительно, четким почерком Владимира Ильича набросал проект решения Совета Народных Комиссаров и записки, помечки на полях книг, письма и конспекты выступлений, протоколы заседаний, мандаты уполномоченных Совета Труда и Обороны, исторические документы Советской власти, скрепленные подписью Ленина.

Документ поступил в лабораторию реставрации и консервации. Над ним работает старший реставратор Н. Самохина

здесь называют «первой зачитой подлинника». Все рукописи — листок за листком — ложатся на ярко освещенный стол. Объектив фотоаппарата мгновенно запечатлеет точный облик каждого документа.

Так создается «страховой негативный фонд» рукописей. Какой бы урон ни нанесло листкам бумаги беспощадное время, фотоконии этих рукописей будут жить, их прочтут, изучат миллионы людей. Каждая страничка, любая записка с подписью Ильича, его письмо, резолюция на докладе — все это теперь надежно зафиксировано фотоаппаратом.

Рядом с этой лабораторией «страховки» снимается микрофильм, состоящий из многих тысяч кадров. Девушка в белом халате бережно опускает на стелд тонкий лист ленинской рукописи. Свет спешит упал на бумагу. Тихо щелкает автомат, и первый кадр микрофильма готов. Лист переворачивают, окончание статьи перенесено на следующий листок.

Маленькую катушку киноплёнки проявят, и тогда можно будет напечатать в любом количестве экземпляры фильм, сохранивший на своей узкой ленте, в крохотных кадрах сотни, тысячи рукописей.

Унесли из лаборатории рукописи, водворили их на

свое место в хранилище, где во все времена года одна и та же температура, одна и та же влажность воздуха: 16—17 градусов тепла, 50—60 процентов влажности.

Бумага не обладает большой жизнестойкостью. На свету она быстро желтеет, ультрафиолетовые лучи разрушают целлюлозную ткань. Если в воздухе влага чуть больше нормы, — бумага поразится плесенью. Понизится влажность воздуха, — и бумага пересохнет, станет очень хрупкой.

Для того, чтобы продлить жизнь каждого листка, хранившегося в сейфах, понадобилось изолировать его от внешнего мира, оградить от воздействия окружающей среды. По трубам, проложенным в стенах здания, сюда поступает подогретый или охлажденный до определенной температуры воздух. Установка для его кондиционирования работает круглые сутки. На пульте управления в аппаратурном зале вспыхивают и гаснут огоньки, красные, белые огоньки. Точные, высокоответственные приборы посылают сигналы из хранилища: температура повысилась на полградуса, влажность понизилась на один процент! В тот же миг ртутные переключатели автоматически понижают температуру на полградуса темпера-

туру, увеличивают на один процент влажность воздуха.

Искусственный климат создан и в хранилище, где собраны немногочисленные, дошедшие до нас документальные фильмы о Ленине. Здесь же хранятся десять матриц звукозаписи, запечатлевших голос Ильича.

В этом помещении необходимо постоянно поддерживать температуру на два градуса ниже, чем в хранилище рукописей. Поэтому пришлось установить еще один аппарат кондиционирования воздуха — специально для защиты киноплёнки от повреждений.

Немало ленинских рукописей и документов было найдено и поступает сейчас в институт уже после того, как время оставило на них, казалось, неизгладимые рубцы. На протяжении десятилетий эти листочки бумаги не были защищены от самых различных повреждений. С трудом удается на желтевшей бумаге различить выцветшие буквы.

В лаборатории, где реставрируют такие документы, можно увидеть подлинники чудеса. Вот несколько образцов полустаршей бумаги. На одном — едва раз-

Эти снимки сделаны в двух хранилищах Института марксизма-ленинизма. В одном из них (левый снимок) собраны негативы фотоснимков всех ленинских рукописей, в другом — сами снимки.

Фото А. Липина

личимая надпись, сделанная рукой Ильича: «Копия моего письма Плеханову». Письмо кажется безвозвратно утраченным. Оно покрыто желтыми и коричневыми пятнами, швыры которые где-то уже совсем не видны отдельными строками. Неужели кому-нибудь удалось восстановить по этим клочкам документ, прочесть его «угасший» текст?

И вот вскоре на столе лежит то же самое письмо: четкий текст, никаких пятен, плотная, эластичная бумага. Бесформенные обрывки кинематографического изображения снова превратились в одно целое.

Спасая этот документ, реставратор проделал тончай-

шую, ювелирную работу. Он расщепил скальпелем края каждого обрывка бумаги и соединил их так искусно, что они просто слились воедино. Затем он с величайшей осторожностью, миллиметр за миллиметром, удалял пятна, заслонившие текст, покрыв его раствором желатина, скрепил с обеих сторон ленту совершенно прозрачными листами специальной бумаги. Теперь документ можно передать в сейф на хранение.

Каждый раз, беря в руки «гибучий», как здесь выражаются, листок бумаги, реставратор должен безошибочно определить «курс ленинских» документов. Иначе можно вовсе лишиться документа. По-

этому в лаборатории люди работают неторопливо и очень сосредоточенно. Приходится иной раз долго испытывать на образцах бумаги различные методы «лечения», чтобы отыскать среди них самый надежный для восстановления документа.

На полках сейфов покоятся тридцать тысяч документов Владимира Ильича. Большинство их стало достоянием народа, продолжается публикация новых документов.

Так работники Института марксизма-ленинизма прилагают все усилия, чтобы максимально продлить жизнь ленинских документов.

И. ОСИПОВ

В ГОРКАХ ЛЕНИНСКИХ

Машина остано-вилась на шоссе в начале деревни; из нее вышел мужчи-на в светлом пла-те и мягкой шля-пе. Он направился к скромному, на первый взгляд ничем неприметно-му, обнесенному некрашенным забо-ром, вынул из кар-мана карандаш, рас-крыл блокнот и стал рисовать...

В этом доме три-дцать пять лет назад, 9 января 1921 года, по просьбе крестьян деревни Горки, вы-ступал на школе Владимир Ильич Ленин.

И сегодня живы еще те, кто был на этом школе.

— Вот как было дело, — рассказы-вает нам Татьяна Васильевна Гор-ская-Бенд ер и н а, дочь ныне ушедшего Василия Александровича Шульгина, в избе которого побывал Ильич. — 9 января пол вечера приехал к нам на санках Ленин. В санях, на крыль-це, у окон — всюду были люди. Владимир Ильич пошел к столу, снял шубу, шапку и начал говорить. О международном положении, об интервентах, объяснял, почему трудно жить народу. Говорил не как докладчик, подряд, без запинки, а просто, понятно так, да все со смехом, с шутками. А потом спраши-вает: вопросы будут? И тут все к нему стали обращаться — каждый со своей просьбой.

В зале над столом горела керосиновая лампа, свет от нее был тусклый. Влади-мир Ильич обратился к этому вниманию. Крестьяне и сказали: «Трудно с керосином, нельзя ли в деревню из совхоза, что на горе, ток провести?». Владимир Ильич ска-зал, что обязательно это надо сделать и что в этом он нам поможет. И в ту же вечеру, в мае, кажется, загорелась в наших избах лампочка Ильича.

— В то время, — дополняет ее брат Василий Васильевич, — у некоторых крестьян изб не было. Они стали жаловаться, что жить им нелегко, и Ленин разрешил при-везти из Расторгуева, в семи верстах от Горок, пустующие дачи и сложить для этих крестьян избы. Так и сделали. И по сей день во на том краю деревни живет в таком доме наш один колхозник.

Об этом памятном сельском школе Татьяна Васильевна так рассказывает моло-дежи, детям, что учатся в просторной трехэтажной школе «Памяти Ильича». Этот момент и запечатлел на пленке наш фотокорреспондент А. Узляя.

«КАКАЯ увлекательная история искусства. Сколько здесь работы для марксиста». Эти слова Ленина ярко выражают отношение великого вождя трудящихся к художественному творчеству, к его изучению и пропаганде. Постиние изучительная широта интересов Владимира Ильича к литературе и искусству! Читая и перечитывая труды Ленина, мы видим, как беспредельно был охват им самых разнообразных явлений художественной литературы, публицистики, журналистики, как тонко чувствовал он идейную глубину и красоту художественных образов, как чутко откликался на произведение, важные для понимания общественной жизни, классовой борьбы. Великим примером для советских литераторов является ленинское умение вскрывать объективную историческую обусловленность деятельности писателей и одновременно значение их творчества для современности, для воспитания народа.

Ленинское наследие по вопросам культуры и литературы является теоретическим фундаментом для разработки самых сложных вопросов теории и истории литературы, эстетики, литературной критики. Всестороннее изучение этого наследия, творческое освоение его — важнейшая задача советского литературоведения.

Верность ленинизму — этот критерий оценки всей деятельности советских людей, воплощенный в работе XX съезда партии, должен быть положен и в основу обсуждения вопросов литературоведения. Недостатки литературоведения, о которых в последнее время все чаще говорят, являются прежде всего следствием слабой разработки или плохого усвоения ленинских принципов изучения идеологических и, в частности, литературных явлений, а порой и отступления от этих принципов.

Говоря об отставании литературоведения, нужно сразу же предостеречь против нигилистического отрицания всего, что сделано в этой области. Такие попытки теперь встречаются. Кстати, они предпринимаются теми, чья доля в развитии науки о литературе, как правило, или ничтожна, или составляет отрицательную величину. Да, недостатков, и серьезных, в литературоведении много, но совершенно недопустимо на этом основании сбрасывать со счетов работу по изучению и пропаганде классиков и современных писателей, борьбу за научно материалистическое понимание сущности и значения литературы, против всякого рода антимарксистских взглядов. Изданы интересные монографии, сборники, которые внесли много нового в науку. Лучшие книги советских литературоведов и критиков получили широкое признание читателей не только в нашей стране, — они публикуются за рубежом на многих иностранных языках. И все же по сравнению с теми задачами и требованиями, которые выдвигаются современностью, растущей культурой народа, сделано еще мало. Отрицательно сказались в литературоведении догматизм, начертничество, не было в исследовательских институтах, на многих кафедрах вузов, в комиссиях и секциях критиков атмосфера смелых поисков, живых и острых дискуссий, без которых невозможно развитие творческой мысли. До сих пор литература, особенно в учебниках, рассматривается как иллюстрация к гражданской истории, без раскрытия эстетической ценности художественных образов. Не пужно далеко ходить за примерами. Недавно вышедший второй том «Черка истории русской советской литературы» свидетельствует об этом.

В последние пятнадцать — двадцать лет в литературоведении отрицательно сказались последствия культа личности. Слишком мало обращались ученые к сокровищнице ленинских идей. Можно было бы по пальцам пересчитать исследования, посвященные литературным взглядам Ленина, ленинскому наследию в применении к литературоведению. Как ни странно, даже сборники статей и высказывания Ленина о литературе и искусстве не издавались с 1941 года (такой сборник появился только теперь, в 1956 году, хотя работа в нем давно ощущалась). И в то же время за эти годы столько сил потрачено впустую, столько зашищено диссертаций на мало значимые темы истории литературы. Ведь и среди части молодежи было, к сожалению, распространено обыденское убеждение, что «спокойнее» и «безопаснее» писать диссертацию о третьестепенном поете XVIII или XIX века, чем брать «рискованную» теоретическую тему.

Со всем этим нужно решительно покончить. Глубокое изучение и разработка ленинского наследия позволят поднять все советское литературоведение на уровень самых высоких теоретических требований. Только на прочной основе учения марксизма-ленинизма удастся верно решить такие сложные проблемы, как специфика искусства, взаимоотношение содержания и формы, методология литературного исследования, выяснить закономерности литературного процесса. Только таким путем литературоведение подойдет к решению грандиозной задачи построения целостной концепции истории литературного развития всех стран и народов — задачи, которая была поставлена, но не могла быть решена буржуазной наукой в силу несостоятельности ее методологических основ.

Вдумчивого и серьезного осмысления требуют также проблемы социалистического реализма, литературных направлений, художественного метода и другие.

Без освоения ленинского наследия нельзя успешно бороться с проявлениями буржуазной идеологии в литературоведении, великодержавного шовинизма и местного национализма, со всякого рода вульгаризаций марксизма.

Одной из главных ошибок и недостатков литературоведения последних лет было неправильное понимание и извращение в ряде книг и статей ленинских принципов партийности науки.

Как известно, Ленин считал, что партийность исследователя-марксиста, в отличие от «объективиста», заключается в том, что марксист при оценке событий и фактов становится на «точку зрения определенной общественной группы», то есть занимает ясную и вместе с тем единственно правильную позицию,

Великое наследие

Б. МЕЙЛАХ

которая является итогом строго научного анализа. Так, например, Ленин указывал, что правильная оценка сущности взглядов и творчества Толстого может быть дана только с позиций пролетариата, как самого революционного класса. Но эту свою оценку Ленин дал в результате внимательного исследования всей совокупности сложной и противоречивой деятельности Толстого, его сильных и слабых сторон, сопоставления его взглядов с исторической ролью крестьянства в русской революции, изучения борьбы общественных направлений вокруг творчества Толстого. Словом, Ленин здесь, как и всюду, шел труднейшим путем исследователя-марксиста.

Но осведомлен не так претворен принцип партийности во многих литературоведческих работах, где авторов занимала прежде всего подгонка фактов под заранее облюбованную мысль. Путем искусственного подбора и расположения фактов такие авторы хотели добиться «актуальности», а на деле подменяли науку поверхностной агитацией, борьбу за действительную актуальность — конъюнктурными соображениями. Примером этому более чем достаточно. Как часто мы встречались с вульгарно-социологическим приращением творчества классиков (с целью якобы «возвратить» мировоззрение советских писателей) и обратным — идеализацией писателей прошлого, как одинаково народных и революционно мыслящих (с целью будто бы «возвратить» русскую культуру прошлого).

Вспоминается в качестве одного из образчиков подмены науки ложно понятыми задачами агитации книга С. Дурылкина «Русские писатели в Отечественной войне 1912 года», вспоминается потому, что в ней этот «принцип» доведен до геркулесовых столбов. В этой книге исследователь, желая показать, что все русские писатели были охвачены патриотизмом, причисляет к патриотам даже таких реакционных националистов и монархов, как Сергей Глинка и адмирал Шихов.

Отдадим должное Дурылкину как автору других полезных работ. Но что может быть нелепее и вреднее, чем пропаганда патриотизма путем идеализации тех, кто спекулировал на патриотической фразеологии, считая, что Россия должна стоять в стороне от столбовой дороги человеческой цивилизации, и насажал презрение к культуре других народов?

Искажение партийности вызвало и подкрашивание великих революционных демократов под марксистов, которым грешат многие работы, и стремление изобразить Пушкина идеологом крестьянской революционности, и комические попытки доказать, что мертвые души, которые Собакевич пытался продать Чичикову, представляют собой положительные образы крестьян (последний эпизод являлся колоссальным отклонением от возникшую дискуссии о положительном герое русской литературы).

Подобный антинаучный подход к освещению событий и фактов вызывал у Ленина в буквальном смысле этого слова отвращение. В своей работе «Статистика и социология» (1917 г.) Ленин посвятил специальное теоретическое введение разоблачению такого рода «методологии». Ленин указал, что нет более несостоятельного приема в области общественных явлений, как выхватывание отдельных фактов, игра в примеры. Подобная «методология» ничего общего с марксизмом не имеет. Чтобы установить фундамент точных и бесспорных фактов, «...необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет позорное...» в том, что факты выбраны или подобраны произвольно...» В этой работе, где Ленин ставил своей задачей освещение значения национальных движений, соотношение национального и интернационального, Ленин предостерегал против субъективной страны, обличал читателей, «...предпочитающих «низким истинам» «высокие истины», и писателей, «...любящих провозгласить под флагом «общих» рассуждений об интернационализме, космополитизме, национализме, патриотизме и т. п. политическую контрабанду».

Как известно, в некоторых выступлениях критиков извращенно трактовался и ленинский принцип партийности в художественной литературе: так, в частности, сознательная коммунистическая идейность писателя, его свобода, в силу внутренней убежденности, желание отдать свой талант народу подменялись формальными признаками.

О схоластике в понимании типичности не так давно было сказано в редакционной статье журнала «Коммунист». Но югантизм, начертничество сказались и в трактовке важнейшей для литературоведения ленинской теории «двух культур» внутри каждой национальной культуры. Вместо того, чтобы в свете этой теории рассматривать литературное развитие во всей его сложности, нередко всех писателей аккуртно делили на «народных» и «реакционных». При этом не учитывалось своеобразие художественного творчества, отражение в нем зачастую различных идеологических влияний, изменение самого содержания «народности» в различные эпохи. Вот и получалось, что в лагерь «реакционных» безоговорочно зачислялись такие писатели, как Лесков или Достоевский.

Логатизм проявлялся и в трактовке ленинской концепции трех этапов обособительного движения в России, которая иногда рассматривалась не как руководящий принцип для периодизации истории русской литературы, а как схема, в которую «укладывались» лишь писатели, непосредственно связавшие свою деятельность с революционной борьбой.

Исследование взглядов Ленина на литературу требует внимательного проникновения в действительный смысл его суждений, одновременного изучения не только писателей и произведений, на которые он откликался, но и конкретных периодов, вызвавших эти отклики, общественно-политической обстановки, в которой они возникали. Такое изучение раскрывает подлинный теоретический смысл ленинских высказываний, связь каждого его выступле-

ния с задачами революционной борьбы на определенных исторических этапах. Такой подход поможет избежать абстрактного теоретизирования, вульгаризации ленинских суждений о литературе.

До сих пор дают себя знать отзвуки пролеткультщины, с которой неустанно боролся Ленин. Он неоднократно подчеркивал, что для строительства новой культуры нужно взять все достижения культуры прошлого. Правда, за последние годы планы издания и изучения писателей прошлого значительно расширились (и в этом несомненная заслуга Гослитиздата). Но еще можно встретиться с узким пониманием «наследия», принижаящим, например, те богатства литературы прошлого, которые «не подходят» под определение реализма. «Демон» Лермонтова или «Душка и Смерть» Горького в этом случае амнистируются, но трактуются, как произведения реалистические (трудно только оказалось «с типическими обстоятельствами», в которых действовали герои).

Много путаницы внесено в вопрос о традициях советской литературы, о взаимоотношениях классического наследия с литературой социалистического реализма. Правильно говоря о том, что социалистический реализм является художественным методом, рожденным новой всемирно-исторической эпохой, отмечая громадные успехи советской литературы, критика нередко упускали существенный момент: ведь принадлежность писателя к сторонникам социалистического реализма еще не является автоматической гарантией высшего по сравнению с предыдущей литературой уровня изображения жизни. Социалистический реализм открывает возможность создания более высоких художественных ценностей, чем в прошлые эпохи, но превращение возможности в действительность — сложный процесс.

Вот почему в партийных документах по вопросам литературы наряду с признанием несомненных успехов советской литературы всегда подчеркивается необходимость неспешной учебы у классиков и борьбы за повышение идейного и художественного уровня произведений.

Ленин говорил, что в вопросах культуры размахивать прежде всего, что надо проникнуться в этой области «...испытательным нетвердым... ко всякому хвастовству...».

Не пора ли подвергнуть сомнению получившее довольно широкое распространение в литературоведении противопоставление реализма прошлого, как только критического (и поэтому будто бы весьма ограниченного в своих возможностях), реализму социалистическому? Но пора ли думать о соотношении реализма классической и советской литературы в свете четкого и глубокого положения Ленина о сущности советской культуры: «Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов культуры с точки зрения мировоззренческой марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».

На этой основе всемирно-историческое значение новой советской культуры может быть раскрыто без зазнайского противопоставления классическому наследию прошлого — достижений современных, противопоставления, которого нет и не могло быть в работах Ленина. И тогда перед нами ясно и полно откроются новые качества советской литературы, которых не могло быть в литературе прошлого. В особенности необходимо пристальное внимание к изучению социалистической народности советской литературы как принципиально новой ее особенности, которая внесла коренное изменение в содержание и форму.

Многие и многие другие проблемы и задачи встают в ходе увлекательного и жизненно необходимого изучения ленинского наследия.

Существуют реальные возможности для того, чтобы преодолеть отставание литературоведения. Несомненно, улучшилась творческая атмосфера в науке. Разрешены широкие плодотворные дискуссии существует разоблачение вредоносной сущности тех немногочисленных, но на редкость активных проработчиков, которые в прошлом душили всякое свободное мнение и подменяли борьбу с буржуазной идеологией демагогическими приемами, считая единственным орудием убеждения — лубину.

Правда, некоторые из подобных проработчиков теперь пытаются «примениться» к «новым условиям» и столь же криливо проповедовать идеи, против которых они «боролся». Так, например, из среды этих людей, которые недавно самое слово «идеализм» считали преступным, стали раздвигать аллюзийские возгласы в честь компартизма — этой явно идеалистической методологии, которая противопоставляла важную задачу марксистского изучения международного взаимодействия и взаимного обогащения литератур. Но такой тип людей известен — подобно щедринскому адвокату Балаалайкину, они прежде всего заботятся о том, чтобы остаться с барышом.

Необходимо провести некоторые организационные меры для подъема литературоведения. Пора начать издание литературоведческого журнала. Нужно форсировать ценные начинания Гослитиздата: новое издание «Литературной энциклопедии», выпуск массовым тиражом работ по литературоведению и критике, серию «Памятники мировой эстетической и критической мысли». Должно быть увеличено место литературоведения в планах издательства — Гослитиздата, «Советского писателя», «Молодой гвардии», Академии наук. И, наконец, одна из важнейших задач — уничтожить элементы формализма в работе академических институтов (о чем недавно писал К. Зелинский в «Литературной газете»).

У нас имеются хорошие кадры литературоведов, обладающих ценным опытом и большими знаниями, — ученые старшего поколения. У нас есть способная и хорошо подготовленная молодежь. Нет сомнения в том, что, объединенные общностью патриотического стремления развивать советскую науку, они смогут добиться пользы литературоведения на основе освоения и всесторонней разработки великого ленинского наследия.

За Невской заставой

Невская застава — один из старых рабочих районов Ленинграда. Здесь в конце прошлого века начинали работать первые подпольные марксистские кружки, здесь часто бывал Владимир Ильич Ленин, руководивший одним из таких кружков, здесь создавался на Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В центре района, на проспекте Обуховской обороны, перед Домом культуры имени В. И. Ленина на диком состоянии горестивое открытое памятника Ильичу. Бронзовая статуя памятника отлита по модели скульптора П. Бондаренко. Модель высоты монумента — около пяти метров.

На снимке: памятник В. И. Ленину на проспекте Обуховской обороны в Ленинграде.

Максим ТАМК

Слово о партии

Дано мне это слово, чтоб сказать О партии моей, и я обязан Правдивую историю начать, Правдиво передать своим рассказом: Про ленинский неподобный стиг И про марксизм — оружие бовово; О славных героических путях Под красною октябрьскою звездой; И про тебя, товарищ лучший мой, Кто грудью лег на амбразуру дота, Когда сквозь шквал огня в смертельный бой

Сквозь бурю огневую шла пехота; Еще про вас: над книгой юный друг, Любимая, пришедшая на встречу; И про весну Отчизны, что вокруг, Кто в лесных Онежских в майский вечер; И о тебе, хозяине станков, И о тебе, в чьей воле посевная; Про вас, друзья и братья с берегов Янцзы далекой, Эльбы и Дуная... Еще про песни мира и свою, Что выросла и ходит во льном краве, Которую в честь партии пою, Которую в честь партии славою.

Перевел с белорусского Александр ПРОКОФЬЕВ

Хуца БЕРУЛАВА

Ильич ведет ровесников моих

Тесать камень, поднимать пласты Густой земли долиной и нагорной Во все века любви и любви ты, Мой трудовой народ с душою гордой. Всех благ превыше и сильней всего Под кровлею родною небосклона Ты полюбил свободу и того, Кто за нее боролся непрестанно.

По невольной молотом стучи, Засульшим степям дурья воду, Ты полюбил и полюбил Ильича, Борца за всенародную свободу. Той путь большой, историю твою Он постигал все сердцем и душою, Чтоб для потомков создал в бою Твое, народ, грядущее большое.

Мне и сегодня кажется, что он Над картой моего родного края, В бесконные заботы погружен, Склоняется на Грузию взирая. Гремит Куря, колыхается Ингур, — И в каменитых руслах не ему ли Они поют, сливаясь в мощный гул, Простую песню горных саламури? Да я и сам горный Ильичу, В жизнь поколения глядясь зорко, Сказать о многом с радостью хочу И кое-что поведаю без восторга.

С давних пор незаметных времен Народ грузинский не искал покоя, И потому дорогу выбрал он, Начертанную ленинской рукою. Ильич ведет ровесников моих, — Они большой подъем преодолели, — Не расстается с ними ни на миг И наравляет их к великой цели. Он разделал с нами торжество, Мы всей душой верны ему — живому, Чем ближе день рождения его. Тем ближе он народу трудовому.

Перевел с грузинского А. МЕКИПРОВ

С Салмури — грузинский народный музыкальный инструмент.

„Ленин на Памире“

Новая поэма Мирсаида Миршакара «Ленин на Памире» переносит читателя к далеким и вечно близким событиям двадцатых годов, к легендарным дням Октября, освободившего народы России от капиталистического гнета, к первым шагам советской власти на Памире. События изображаются через восприятие мальчика-каждика, они развертываются в масштабах одного кишлака, но в этих, казалось бы, незначительных, по сравнению со всей революцией, событиях, словно в капле воды, отражена живая, полная остроты конфликтов жизнь.

До затерянного в горах кишлака докочиваются вести о большевиках, ольдереве горцами в образе «Большеного», с «Большеным» вместе идет Ленин, и с ними — свобода. Об этом сообщают случайные путники, об этом рассказывает ребятам мальчик Даврон, сын рабочего, кочующего по земле в поисках заработка.

Вот в кишлак приходит еще одна весть: «В Петербурге революция!». Весть эту принес юноша, побывавший в Ходжене и других городах. Богачи кишлака учиняют зверскую расправу над этим человеком, и сочувствие бедноты к казенному говорит о том, на чей стороне симпатии трудового народа. Так начинается поэма.

Дальше следует повествование о шестидесятилетнем батраке Атобеке. Он всю свою жизнь работал на богатых, а они глумились над его человеческим достоинством: Он жадным баям день и ночь служил, Полугодным, посылным вечно был. Он назывался просто — Атобек. Казий *, его хозяин, говорил: «Какой ты бек, достаточно — Ато!» Так имя батрака он сократил. И вот, узнав об этом, миршакар ** С веселую улыбку сказал: «Не надо «А», возьми стиние «То», И слова слог у имени украл. Пустым словом аньяма, молвил То: «Пусть будет так Довлен я вполне. Еще есть имя у меня —»

Бедняк, Оно в наследство от отца досталось мнє. Перевод С. Олендера

Казалось бы, что ничего другого не остается старому То, как смириться со своей судьбой и обидным именем, но не так человек из народа. В нем живет вера в справедливость. Он убежден, что придет лучшее времена. И когда казий спросил у него, что он будет делать, если «Большеной» арестует казия и отберет его добро, старик То отвечает: Свободно я вольную на склоне лет.

Советская власть приходит на Памир, и беднота, впервые свободно вздохнувшая, произносит: Россия.

Ленина страна, ты мать моя, Друг наших восточных грустных дней, Ты та, что живешь народу принесла, Отдавши в жертву жизнь своих детей. Ты — наша мать! Хвала тебе и честь! Мы все козлева земли родной. Ты нас взлелеяла, усновила нас. Одна судьба у нас теперь с тобой! Перевод С. Олендера

М. Миршакар рисует первую школу, куда пришли дети таджикской бедноты: «Поток и стены черны от дыма». Лишь портреты Ленина и его учеников белали светлым темным югом... Здесь впервые детвора приблизилась к грамоте. И каждый узнал от старших, что открытие школы связано с именем Ленина.

Ветрашний батрак Атобек, получивший от богатеев влиχύю То, стал сторожем при * Казий — религиозный судья. ** Миршакар — полостной старшина.

Поэма Миршакара подкупает естественностью развития сюжета, полнотой всех эпизодов единой мыслью о неразрывности дружбы русского народа с народами братских республик, о вечной нашей любви к гению революции Владимиру Ильичу.

Наш Ленин жив, и с нами вечно он, К нам обращен всегда его призыв. Жив Ленин потому, что победили мы! Мы победили потому, что Ленин жив! Перевод С. Олендера

Память о Ленине жива, и с нами вечно он, К нам обращен всегда его призыв. Жив Ленин потому, что победили мы! Мы победили потому, что Ленин жив! Перевод С. Олендера

Поэма Миршакара подкупает естественностью развития сюжета, полнотой всех эпизодов единой мыслью о неразрывности дружбы русского народа с народами братских республик, о вечной нашей любви к гению революции Владимиру Ильичу.

Памяные места

В столице нашей Родины — Москве есть много мест, связанных с жизнью и деятельностью великого Ленина. Управление культуры Мосгорисполкома устанавливает на ряде зданий Москвы мемориальные доски. Мраморная доска с бронзовым барельефом гениального вождя укреплена на фасаде жилого дома № 27 по улице Образцова — бывшей Бахметьевской. В этом доме в феврале 1900 года, в квартире своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой-Улья-

новой жил после сибирской ссылки Владимир Ильич Ленин. Вторая доска из розового гранита установлена у главного входа завода «Каучук», где В. И. Ленин выступал 6 ноября 1921 года. Мемориальные доски, по решению Мосгорисполкома, в скором времени будут установлены на зданиях Большого театра, Дома союзов, где неоднократно выступал Ленин, и на других зданиях.

Вокруг англо-советских переговоров

Как говорят англичане, пребывание советских государственных деятелей в Великобритании не перестает «делать заголовки», то есть продолжает оставаться центральным событием дня, о котором газеты сообщают на самом видном месте. Уже через два часа после прибытия советских руководителей в Лондон на улицах продавались первые выпуски вечерних газет с подробными отчетами, снабженными фотографиями, о встрече Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева с членами кабинета в Портсмуте, а затем на вокзале «Виктория» в Лондоне. Вчера и сегодня, пожалуй, не было ни одной газеты, которая не помпала бы обширных материалов и многочисленных снимков, посвященных пребыванию Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Лондоне.

Следует, однако, отметить, что не все газеты объективно освещают пребывание в Англии советских государственных деятелей и особенно происходящие сейчас в Лондоне англо-советские переговоры. Бросятся в глаза стремление некоторых органов печати создать у читателей представление, что советским руководителям будто бы оказывается «холодный» прием со стороны населения. Подобные газеты игнорируют действительность и всячески раздувают мелкие провокационные действия отдельных элементов, ничего общего не имеющих с английским народом. Судя по этому, в Англии есть элементы, которые заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать улучшению англо-советских отношений, помешать дальнейшему ослаблению международной напряженности и упрочению мира во всем мире.

Однако эти силы находятся сегодня в явном меньшинстве, а их действия нут вразрез с теми настроениями, которые преобладают среди подавляющей части английского общественного мнения. Правильный английский лейбористский деятель Эдвард Бивен, который сказал на днях, что «после окончания войны отношения между Россией и массами английского народа никогда не были столь хорошими, как в настоящее время». Каждый трезво мыслящий британец отдаст себе отчет в том, что упрочение сотрудничества и взаимоотношений с Советским Союзом — в интересах Англии не в меньшей степени, чем в интересах Советского Союза.

Заменился мне разговор с членом парламента Эмрисом Хьюзом, не так давно гостившим в Москве у поэта Самуила Маршака. Встреча с ним произошла случайно. Эмрис Хьюз, как и другие лондонцы, пришел к «Сенотафу» — величественному монументу, возведенному на улице Уайтхолл в память об англичанах и англичанках, погибших в двух мировых войнах. В этот день лондонцы собрались у стен «Сенотафа», чтобы присутствовать на церемонии возложения венка советскими государственным деятелями.

Мы, советские журналисты, спросили Эмриса Хьюза: чего ждет английский общественный мнение от англо-советских переговоров?

«Английская общественность», — ответил он, — очень заинтересована в том, чтобы было установлено более широкое сотрудничество между нашими странами. Надеюсь, что переговоры в Лондоне будут успешными».

Успешное завершение переговоров — вот искреннее желание большинства людей здесь, в Лондоне. Это желание имеет глубокие корни. Англия и СССР — не только великие державы мира, но и великие европейские державы. Не нужно быть политиком, чтобы понять, что укрепление и расширение сотрудничества между нашими странами привели бы к упрочению мира прежде всего в Европе. Ведь и сейчас самым острым вопросом остается вопрос об обеспечении европейской безопасности, в решении которого Англия и Советский Союз могут внести большой вклад. А о необходимости решения проблемы европейской безопасности как раз и напомнила англичанам церемония возложения венка советскими государственным деятелями на памятник «Сенотафу». Много лондонцев побывало за день у венка на подножии «Сенотафа», чтобы прочитать надписи, приуроченную к венку и гласящую: «От Правительства и народов Советского Союза в знак вечной памяти о доблестных воинах Великобритании, которые вместе с доблестными воинами нашей страны отдали жизнь во время первой и второй мировых войн в совместной борьбе за мир и безопасность народов».

Я услышал, как два пожилых англичанина сказали, отходя от памятника: — Да, много наших и русских парней сложили свои головы, чтобы мы могли спокойно жить. Теперь пусть там, на Даунинг-стрит (резиденция премьер-министра), где сейчас происходят англо-советские переговоры, договоятся о том, чтобы проливать свою кровь в Европе.

Этот невольно послушанный мною разговор еще раз показывает, чего ждут англичане от участников переговоров на Даунинг-стрит. Миротворные дела, оказало глубокое влияние на умы англичан. Об этом откровенно писала вчера газета «Дейли экспресс», заявившая, что «английский народ не должен быть ослеплен, и он, действительно, не ослеплен. Он стоит впереди своих лидеров. Страх перед войной стал менее заметным во всех домах Англии. Воязь атомного истребления уменьшился».

В расширении англо-советского сотрудничества непосредственно заинтересованы и английские торговые-промышленные круги. Обсуждение в парламенте нового английского бюджета показывает, что экономические трудности, переживаемые Англией, не могут быть устранены без всемерного расширения английской внешней торговли. В условиях обострившейся конкуренции на мировом капиталистическом рынке в Англии не может быть серьезных надежд на расширение ее внешней торговли. Поэтому реалистически мыслящие представители английских деловых кругов видят в успехе англо-советских переговоров залог того, что улучшение взаимопонимания и расширение сотрудничества между Англией и СССР плодотворно скажутся на традиционной англо-советской торговле. А нормализация торговли поможет устранить многие трудности экономического порядка, переход которыми сейчас стоит Англия.

Английская печать подчеркивает всеобщую заинтересованность в англо-советских переговорах. Вчера и сегодня все газеты вышли с большими англагами на первых полосах, возмещающими о начале англо-советских переговоров. При этом такие газеты, как «Таймс», особенно выделяя слова Н. А. Булганина, сказанные им на вокзале в Лондоне, о том, что «нам необходимо жить на одной планете». Газета «Дейли экспресс» напечатала вчера статью своего редактора Кристиансона, который подчеркивает необходимость прийти к соглашению с Советским Союзом. «Задачи английского правительства ясны», — пишет Кристиансен. — «Необходимо проявить готовность прийти к соглашению с Россией. Необходимо сделать то, чего мы не сумели сделать в 1939 году: избежать войны».

Переговоры на Даунинг-стрит только начались. Но характерно, что даже такая являно не расположенная к Советской стране газета, как «Дейли мейл», комментируя начало переговоров, признает, что «русские проявляют тенденцию сближения с нами» по ряду основных проблем, непосредственно касающихся англо-советских отношений, и более широких проблем, касающихся напряженности между Востоком и Западом».

Поздние выпуски сегодняшних лондонских газет основное внимание уделяют выступлению Н. С. Хрущева на завтраке в советском посольстве 19 апреля. Большинство газет публикуют подробное изложение выступления Н. С. Хрущева на первых полосах под крупными заголовками через всю полосу. Газеты дали следующие заголовки: «Дейли экспресс» — «Хрущев говорит: жить в мире — выход один»; «Дейли телеграф энд Морнинг пост» — «Хрущев: мы пришли к чистым сердцам. Отрицает стремление внести раскол между Англией и США. Выход один — сосуществование»; «Дейли геральд» — «Хрущев говорит Англии о единственном выходе».

Газета «Поркшир пост» на первой полосе помещает пространное сообщение своего дипломатического обозревателя Форбса Адама о втором дне пребывания советских руководителей в Лондоне. В крупном заголовке к этому сообщению подчеркивается, что советская сторона стремится к «более тесной дружбе». Обозреватель пишет: «Россия хочет более дружественных отношений и ослабления напряженности. Это два момента послужили темой высказываний Булганина и Хрущева во время их первой деловой встречи с Иденом на Даунинг-стрит 19 апреля».

Крупная консервативная газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» подчеркивает, что во время визита должна быть проделана большая работа. «Мы верим», — пишет она, — что эта работа будет выполнена».

Да, большая, благородная работа, которая будет служить делу мира, должна быть выполнена. Этого хотят миллионы англичан.

Анатолий ГАН
лондон, 20 апреля. (По телефону)

Лукс ФЮРНБЕРГ,
немецкий поэт (ГДР)

„Что делать?“

И во мглу эпохи ударил свет,
И разлился он,
И на давний вопрос обрели ответ
И мечты, и дни, и века,
И людей, которых скрутило зло,
Тех, чьи души нагрела тоска,
Слово Ленина подняло и повело
Сквозь дни, сквозь века,
И что делать — отныне узнал
любый,
Стали явлю мечты и сон,
Слово сделалось делом, а дело — борьбой,
И победой,
и славой времен.
Перевел с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ

В. И. Ленин (справа со сложным зонтом в руке) идет в группе русских политических эмигрантов в Стокгольме, где он находился в 1917 году, проездом из Швеции в Россию.

Дом на Кларкенуэлл-грин

Филипп БОЛСОВЕР,
английский журналист

В этой корреспонденции мне хочется рассказать об одном уголке Лондона, связанном с именем великого Ленина. ... Дом, где В. И. Ленин пятьдесят четыре года назад издавал газету «Искра», находится на площади Кларкенуэлл-грин, в восточной части центрального Лондона. В этом промышленном районе английской столицы — множество складов, типографий, швейных и мебельных фабрик. Дома тут массивные, солидные, словом, деловой квартал. И вдруг вы видите небольшое бело-зеленое двухэтажное здание, точно бросающее вызов окружающим строениям. В этом здании помещаются библиотека и рабочая школа имени Маркса. Вы входите в дом через небольшую дверь, поднимаетесь по деревянной лестнице и оказываетесь в помещении, вдоль стен которого тянутся длинные полки, уставленные книгами и комплектами газет.

Здесь можно найти все, что относится к истории рабочего движения и к современной борьбе трудящихся. Сюда обращаются из всех уголков Англии за материалами для статей, лекций, книг.

Вы проходите в лекционный зал, откуда в рабочую комнату и, наконец, попадаете в крохотный кабинет. В этой комнате в 1902—1903 гг. Ленин редактировал «Искру». Ленин сам описал эту комнату в статье, написанной в 1913 году и посвященной лидеру английских социал-демократов Гарри Квелчу: «11 лет тому назад русская с.-д. газета должна была печататься в Лондоне. Английские с.-д. с Квелчем во главе с полной готовностью предоставили свою типографию. Самому Квелчу пришлось для этого «потесниться»: ему отгорожен был в типографии тонкий досчатый перегородкой уголок вместо редакторской комнаты. В уголке помещался совсем маленький письменный стол с полкой книг над ним и стул. Когда пишущий эти строки посетил Квелча в этом «редакторском кабинете», то для другого стула места уже не нашлось...».

Эта комнатка осталась неизменной, хотя обстановка в ней теперь другая, и каким-то образом удалось разместить здесь два стула — один для директора школы

Сквозь маленькое окошко видны крыши домов на Кларкенуэлл-грин. Мало что изменилось в этом районе с тех пор, как Ленин жил в Лондоне. И сегодня английские труженики, спешащие в свою библиотеку и школу, знают, что эта площадь овеяна памятью великих борцов за дело социализма...

А в десять минут ходьбы, по Роберти-авеню, находится один из самых оживленных перекрестков Лондона, который принято называть «ангелом». И здесь все полно памятью о Ленине. Попробуем для местных жителей открыть двери таверны «Браун энд Вуллек», куда частенько приходили Ленин и другие рус-

ские эмигранты, чтобы посоветоваться в отделе кабинета. После нескольких подобных встреч, сопровождавшихся страстными дискуссиями, владелец таверны донес на них в полицию. Парская охранка обратилась к английской секретной полиции с просьбой установить слежку за Лениным и его товарищами. С тех пор английская полиция прятала в этом кабинете своего агента, который должен был подслушивать разговоры. Однако это ничего не дало, ибо он не знал русского языка. Эта «деятельность» безымянного шпиона так бы и осталась в тайне, если бы не несколько лет назад о ней не сообщил в своих мемуарах один из руководителей Скотланд-ярда.

Ленину было удобно приходить в таверну «Краун энд Вуллек» и в типографию на Кларкенуэлл-грин — он жил здесь неподалеку. В. И. Ленин и Н. К. Крупская снимали две комнаты на Холфорд-сквере, в доме № 30. В целях конфиденциальности они записались под фамилией Рихтер. Н. К. Крупская пишет по этому поводу в своих воспоминаниях: «Большим удобством было и то, что для англичан так же иностранцы на одно лицо, и хозяйка не была бы удивлена, если бы увидела в таверне и в типографии незнакомых людей».

Теперь больше нет дома, в котором жил В. И. Ленин. Во время последней войны фашистская бомба разрушила его почти до основания, а несколько лет назад на месте, где он раньше стоял, местный лейбористский муниципалитет воздвиг жилые корпуса. Многие английские рабочие жалеют об исчезновении исторического ленинского дома. Сам Ленин был бы, разумеется, рад, если бы увидел хороший жилой корпус для рабочих на месте дома, в котором он работал во имя их будущего.

В своих «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупская пишет о том, как она и В. И. Ленин изучали в Лондоне жизнь рабочих, их быт, настроения, посещали рабочие собрания, митинги. «Стали мы ходить по всеобщим собраниям, — вспо-

Лондон. Дом на Фредерик-плейс, в котором В. И. Ленин жил непродолжительное время в 1903 году.

ЗНАМЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Я принадлежу к поколению людей, взгляды и убеждения которых формировались при жизни Ленина. Воздействие ленинских идей для нас, польских революционеров, было исключительно сильным.

Вспоминаю 1898 год, когда я стал членом социалистического рабочего кружка в Лодзи. Мы часто говорили о революции, о свободе нашего народа, о социализме. Но для меня, как и для многих моих товарищей, слово «Россия» отождествлялось в те времена со словом «царь».

1903 год. Сидя в городской тюрьме Петрова, я усердно читал русскую литературу. И в ней я почувствовал такую ненависть к самодержавию, такую любовь к жизни, что долго не мог найти подобного образа во всех прочитанных мною до этого книгах. Ненависть и любовь звучали и в словах Достоевского и в смехе Чехова.

И вот я в России. На каждом шагу встречались похвальные изыскания, нищета, отчаяние. А в Бутырской тюрьме я услышал, как русские рабочие поют польскую «Варшавянку». Именно впечатления от Бутырской тюрьмы и Архангельской губернии, куда я был сослан, заставили меня понять, что Россия, как и наша Польша, имеет два лица.

На всю жизнь сохранилась в памяти минута, когда в мой руки впервые попал тонкий листок бумаги — это был один из номеров ленинской «Искры» после II съезда РСДРП, до того, как газета перешла в руки меньшевиков. Слова «большевизм» и «меньшевизм» — мы их часто слышали и употребляли — стали звучать для меня более понятно. Я и раньше слышал о II съезде РСДРП, знал, что в ней борются два течения. Но глубоко прочувствовать, понять это я смог, только читая ленинскую «Искру».

Тогда же, в Бутырях, я впервые услышал имя Ленина.

Революция 1905 года в истинном свете показала нам солидарность польских эксплуататоров с русскими империалистами, с одной стороны, и глубокое единство фронта трудящихся всех национальностей царской России — с другой. Вопреки утверждениям лидеров ППС, зря свободы прихода к нам не с запада, а с востока. В дни первой русской революции я и мои товарищи осознали, что подлинным патриотом Польши является лишь тот, кто вместе с русскими рабочими сражается против общего врага.

Все больше польских рабочих присоединялось к общероссийскому социалистическому движению. Правда, в то время ряд видных деятелей польской социал-демократии еще не до конца понял все значение ленинских идей интернационализма, допускал ошибки в решении национального вопроса. Вследствие этого мы лишились тогда влияния на мелкую буржуазию и даже на некоторую часть рабочих.

Более передовые рабочие, слыша «партийную» болтовню эксплуататорско-националистов, классовым чутьем своим понимали, что победы в борьбе против самодержавия можно добиться только объединившись с русскими пролетариатом. Но мы не умели дать выход этим стремлениям нашего народа.

И вот тогда великий Ленин погнул нам, он указал на ошибки. Еще в 1903 году, на II съезде РСДРП, в известной дискуссии о праве наций на самоопределение, он говорил об этом нашему партийному руководству, что, однако, не подействовало. Вести о Ленине все глубже проникали в ряды рабочих и трудящихся Польши, особенно в 1912—1914 гг., когда Ленин жил в Кракове и Поронине. Ленин с уважением говорил о польских социал-демократах, но критиковал их ошибки и помогал занять правильную позицию.

Всех поражала смелость революционной мысли Ленина. Мы все более убеждались, что Ленин — это революционер, равного которому нет. Под воздействием ленинских идей, героической философии революции шли в бой лучшие сыны польского рабочего класса. Нам поддерживали пророческие слова Ленина на XI съезде:

«Никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести, еще миллионы и сотнями миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не сможет назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания».

...Популярность Ленина в новой Польше неизмерима, она ширится и углубляется беспрестанно. Ленин — мозг, сердце и знамя всех трудящихся. При мысли о Ленине нас охватывает настроение приподнятости, не хватает слов, чтобы выразить чувства благодарности к великому вождю. Немало промышленных предприятий в Польской Народной Республике названы его именем. В 1947 году, в Поронине, около Закопане, открыт музей В. И. Ленина, к которому не прекращается поток людей со всех концов страны и из-за границы. Я видел однажды в музее пожилых рабочих. Они тихо, в торжественном молчании переходили от экспоната к экспонату. Все тут было теплое, сердечные мысли. Родными и близкими были фотографии Владимира Ильича, его глаза светились заботой о будущем простых людей всего мира — безгранично великом будущем!

Мы строим нашу польскую отчизну по-ленински. Наш народ все теснее сплавляется под знаменем Ленина, знаменем международного братства свободных народов, знаменем мира во всем мире.

ВАРШАВА, апрель

На стендах — марксистская литература

Необычное зрелище представлял собой недавно Зминый велодом Парижа. Самый большой стадион французской столицы был превращен в гигантский книжный базар. На импровизированных стендах — «Изыскания» произведения В. И. Ленина, труды К. Маркса и Ф. Энгельса, книги Мориса Тореза, современных прогрессивных писателей. Среди организаторов и устроителей выставки — Андре Стиль, Луи Арагон, Роже Гароди, Жорж Коньо...

Первый во Франции книжный базар марксистской литературы вызвал огромный интерес парижан. За один день на Змином велодоме побывало 15 тысяч человек. Через четыре часа после открытия базара был распродан весь запас брошюр о XX съезде КПСС, все экземпляры «Избранных произведений» В. И. Ленина.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛИН, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).

Годы в Париже

В конце 1908 года безмятежная консерваторка парижского дома, расположенного на улице Бонне, недалеко от парка Монсури, увидела везжавших новых жильцов — мужа и жену, в возрасте примерно сорока лет, и старую даму. Среди мебели, привезенной новыми жильцами, не было той обстановки, которая составляет краеугольный камень всякого respectableного буржуазного жилища — спальня и столовая; было лишь разношерстное собрание стульев, кухонных столов, железных кроватей, плетеных корзин и внушительного количества ящиков. Ибо Владимир Ильич Ульянов («Ленин»), как значилось в полицейских списках), Надежда Константиновна Крупская и ее мать, Елизавета Васильевна, владели лишь одним богатством — книгами и брошюрами...

Осенью следующего года они переехали в две небольшие комнаты в доме № 4 по улице Мари-Роз, находящейся в тех же краях. Совсем недавно, несколько месяцев назад, здесь открылась постоянная выставка, посвященная пребыванию В. И. Ленина в Париже. А. М. Горький посетил их в этом доме, «в студенческой квартире из двух комнат», которую он описал. В этой квартире встречались все большевики, приезжавшие в Париж. «Приемной» была кухня, служившая одновременно столовой и гостиной. Сначала посетителя принимала Надежда Константиновна. После предварительных бесед с ней посетители входили в комнату с двумя окнами, где работал Ильич. Здесь стояли книги — на белых деревянных полках, на стульях, табуретках, на полу, на диване, где лежала также раскрытая шахматная доска, на дамном столе... Вторая комната была отведена матери Н. К. Крупской.

Условия существования большевистской эмиграции в Париже были очень тяжелые. Те, кто знал какое-нибудь ремесло, как правило, еще находили работу и могли, хотя и с трудом, зарабатывать на жизнь. Интеллигенция же приходилось тужить. Большевики-эмигранты брались за любую работу, которая давала бы возможность про существовать.

Гаретта «Социал-демократ» печаталась в это время в Париже, на Авеню д'Орлеан, дом № 110. Типографские работники обожали Владимира Ильича. Когда корпорация была грязная, он сердился; но он постоянно заботился об их зароботке, об «авансах».

Несколько раз в неделю Ленин играл в шахматы. Для этого он отправлялся в одно из кафе на Авеню д'Орлеан. Шахматные партии часто заканчивались политическими дискуссиями, продолжавшимися до поздней ночи.

Почти каждый день, если позволяла погода, Владимир Ильич на велосипеде ездил работать в Национальную библиотеку. Порядки, существовавшие там, его раздражали: выписка нужных книг представляла собой толгую канитель, среди дня Национальная библиотека закрывалась на обеденный перерыв, — этот неумолимый человек не допускал бесцельной потери времени.

Ленин сам относился к Северному вокзалу свои статьи для «Звезды». Он точно высчитал время проезда в метро — двадцать две минуты — и не ходил в театр или концерт, потому что поезд в Россию уходил в десять часов вечера. Товарищам, которые хотели освободить его от этого путешествия, он отвечал: «Нет, нет, не терять на это время»...

Но в другие периоды он жил жизнью парижан и посещал небольшие театры и мюзик-холлы, где от души веселился. В театре Ильич столь же внимательно приглядывался к зрителям, как и к актерам, вступал в беседы с незнакомыми людьми и пытался затем нарисовать для себя и жены точные портреты парижских рабочих и мелких буржуа.

Иногда Ленин играл в карты. Он играл в карты в кафе на Авеню д'Орлеан. Шахматные партии часто заканчивались политическими дискуссиями, продолжавшимися до поздней ночи.

Почти каждый день, если позволяла погода, Владимир Ильич на велосипеде ездил работать в Национальную библиотеку. Порядки, существовавшие там, его раздражали: выписка нужных книг представляла собой толгую канитель, среди дня Национальная библиотека закрывалась на обеденный перерыв, — этот неумолимый человек не допускал бесцельной потери времени.

Весной 1911 года Ильичу удалось организовать партийную школу для русских революционеров. Ее решили устроить в деревне Лонжеро, в 15 километрах от Парижа, что и было сделано с помощью Инессы Арманд. «Лонжеро», — писала Н. К. Крупская, — представляло собой длинную французскую деревню, растянувшуюся вдоль шоссе, по которому каждую ночь непрерывно ехали возы с продуктами, предназначенными для насыщения «брюха Парижа».

Инесса Арманд, превосходный организатор, сняла целый дом, который превратила в зал для лекций и столовую для учеников. Ленин и Крупская поселились у рабочего-ковзнежника и с интересом наблюдали его жизнь.

Наконец, стали прибывать те, кого представляли хозяевам дома в качестве «русских учителей». Однажды консерваторка отослала уставшую от многочисленных забот Надежду Константиновну и сообщила: «Пришел какой-то человек, ни слова не говорит по-французски, должно быть в вам». Это был Сергей Орджоникидзе, приехавший из Кавказа...

В свободное время Ильич любил кататься на велосипеде, сидеть в аэродроме, находившемся совсем близко, и наблюдать полеты аэропланов. Вечерами все уходило в поле, отдыхали под скирдами, пели песни.

В июне 1912 года Владимир Ильич, Надежда Константиновна и мать Крупской покинули Париж. Они не имели досуга,

необходимого, чтобы лучше узнать Францию. Все же Париж и его окрестности, Лонжеро, несколько дней, проведенных Лениным в Ницце, позволили им понять наш народ и наше рабочее движение, о котором Владимир Ильич писал сильно и справедливо. Их жизнь в Париже проходила в трудные годы эмиграции, но Ильич любил наш город, его добродушие и величие.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин пожелал Марселею Башену, приехавшему в Москву, чтобы Франция вскоре создала большую коммунистическую партию, за успехами которой он будет следить с живейшим вниманием. Французский пролетариат всегда пытал и будет пытаться к Ленину чувства сердечного восхищения.

...Однажды я пошла посмотреть снова кафе на Авеню д'Орлеан, теперь сильно изменившееся. Старый человек мне сказал: «Знаете, я туда хожу со времен юности, и я часто видел там, перед первой войной, играющего в шахматы русского, который изменил мир»...

ПАРИЖ, апрель